

ЛЮДМИЛА ЧЁРНАЯ

ЗАПИСКИ
ОБЫКНОВЕННОЙ
ГОВОРЯЩЕЙ
ЛОШАДИ

Критика и эссеистика

Людмила Чёрная

**Записки Обыкновенной
Говорящей Лошади**

«НЛО»

2018

УДК 94(47+57)"19/20"
ББК 63.3(2)6-7

Чёрная Л. Б.

Записки Обыкновенной Говорящей Лошади / Л. Б. Чёрная —
«НЛО», 2018 — (Критика и эссеистика)

ISBN 978-5-4448-1021-7

Эта книга – «собрание пестрых глав... ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Ее автору Л. Б. Чёрной, публицисту, переводчику с немецкого произведений Г. Бёлля, Э. М. Ремарка, Ф. Кафки и др. известных писателей, в 2017 году исполнилось 100 лет. В 2015 году у Л. Б. Чёрной вышла в «Новом литературном обозрении» книга воспоминаний «Косой дождь» – о времени и о себе. Главной темой новой книги стали «картинки прошлого» в свете настоящего: как день вчерашний породил день сегодняшний. Недаром Л. Б. Чёрная начинала свою карьеру как политический журналист и 40 лет жизни посвятила истории немецкого фашизма, написав на эту тему множество статей и – совместно с мужем Д. Е. Меламидом – книгу о Гитлере «Преступник номер 1». Можно соглашаться или нет с авторской трактовкой 1990-х годов и ныне происходящего, но острый ум, наблюдательность, полемический темперамент и живой интерес к событиям и людям, а также замечательное чувство юмора делают повествование чрезвычайно занимательным.

УДК 94(47+57)"19/20"
ББК 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-4448-1021-7

© Чёрная Л. Б., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Вместо предисловия	7
Золотая моя Москва	9
Сентиментальный довесок к чересчур длинным заметкам о Москве	25
Эффект причастности	26
Индийский еврей	28
Еще раз о первых выборах	29
Хвала прогрессу	30
Когда я была маленькая	34
На волосок от смерти	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Людмила Чёрная

Записки Обыкновенной Говорящей Лошади

© Л. Б. Чёрная, 2018,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Разве когда ты вечером мысленно озираешь прошедший день, следовательно, ближайшее прошлое (с тем же успехом его можно назвать прошедшим настоящим), перед тобой раскрывается некий эпический поток событий? Нечто непрерывное? Эпического потока не существует и в настоящем. Пусть каждый обратится к несовершенной мозаике своей ежедневно обновляющейся памяти... До полуночи, вовсе не один день, а 1440 минут, и притом только 50 из них что-то значат.
Арно Шмидт, немецкий писатель середины XX века

Вместо предисловия

Хотите знать, почему я назвала эти записки «Записками Обыкновенной Говорящей Лошади»?

Назвала по аналогии со старым английским анекдотом, который нравится мне с детства. Вот он.

Один англичанин отправился в поместье к своему другу и недалеко от его дома заметил пасущийся на лугу табун лошадей. Как вдруг одна из лошадей, отделившись от табунка, поравнялась с экипажем и обратилась к нему:

– Вижу, что вы направляетесь к моему хозяину. Прошу вас, скажите, что его лошадь в смертельной обиде. Я закончила колледж, училась в Оксфорде, владею иностранными языками. И после всего – сами понимаете – какую жизнь я веду...

Проговорив это, несчастное животное поскакало обратно, а потрясенный джентльмен подъехал к дому друга и, когда тот вышел ему навстречу, воскликнул:

– Не могу прийти в себя! Какое чудо...

Но друг сердито оборвал гостя:

– Ты имеешь в виду мою лошадь? Очевидно, она наговорила тебе с три короба. Будто училась в Оксфорде. И будто владеет иностранными языками. Не верь... Все врет! Обыкновенная говорящая лошадь.

* * *

Вот и я – как автор этого сочинения – выступаю в роли обыкновенной говорящей лошади. Ведь мне без малого сто лет, и считается, что в этом возрасте старушки книг не пишут.

Это как дважды два четыре: лошади не говорят, почти столетние старушки книг не пишут.

Посему априори совершенно неважно, училась ли та лошадь в Оксфорде и что именно она говорит. Неважно также, что именно насочинила старушка. В обоих случаях важен сам факт.

Но лошадь, простите старушку, то есть меня, – совсем запуталась – это не устраивает. Старушка взялась за перо (естественно, я так и не освоила компьютер) только для того, чтобы донести (блесну эрудицией) *urbi et orbi* кое-какие свои мысли, пусть они и покажутся вам весьма тривиальными. Лишь перечислю их:

Не позволяйте себя обольванивать.

Цените то, что получили в «лихие девяностые».

Худой мир лучше доброй ссоры.

* * *

Эта книга вся состоит из отдельных кусочков, обрывков-лоскутов или, скорее, из кирпичиков-кубиков самой разной конфигурации и самой разной величины. У меня они заменяют кубики в детских игрушечных наборах. Малыши строят из таких кубиков дома, крепости. Кто во что горазд.

Мои разномастные «кубики» разбросаны как попало, совершенно произвольно. И никакой картинки, как в детских наборах, не прилагается – что хочешь, то и собирай.

*С приветом,
Обыкновенная говорящая старушка
Людмила Чёрная*

Золотая моя Москва

*И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!*

Повторю своими словами эпиграф этой книги: когда я вспоминаю былое, никакого эпического потока событий не вырисовывается. Надо долго складывать разрозненные картинки, чтобы получилось нечто связное. И если это все-таки удастся, я прихожу в волнение. Очень часто я не вижу прошлое так, как мне его преподносят в газетах, на ТВ и даже в разговорах так называемой либеральной интеллигенции. Что уж совсем странно.

Вот скажем, считается, что «золотая моя Москва», как пелось в одной советской песне, всегда была прекрасным, сказочно красивым городом, который сейчас уничтожают путинские варвары.

Насчет варваров – все правда. Главный, правда, еще допутинский варвар Лужков¹ за долгие годы правления, так и не захотел понять разницу между новоделом и подлинной стариной. На его совести и изуродованное здание Военторга, и «неведомы зверушки» около Александровского сада, и фигура Петра на длинном, как земляной червь, цоколе, и храм Христа Спасителя номер 2 – такой нешедевр. Я всегда говорила: счастье, что «мэр в кепочке» не стал градоначальником Афин, он наверняка сделал бы евроремонт в Акрополе. А если бы Лужков был городничим в Риме, то поспешил бы покрыть Колизей позолоченной крышей.

Но разве дело только в Лужкове?

На моей памяти «золотая моя Москва», или скорее город «знакомый до слез, / до прожилок, до детских припухлых желез» – я прожила в Москве всю свою долгую жизнь, – оставалась все семьдесят пять лет советской власти несчастной, неухоженной, темной и даже облезлой...

И только в XXI веке, а именно при Путине, Москва преобразилась, стала живым, шумным, залитым огнями мегаполисом.

Вы скажете, что в Москве сейчас все чересчур... Чересчур много автомобилей, из-за которых город то и дело стоит в пробках, чересчур все украшено и разукрашено. Не спорю. Но ведь это вполне объяснимо. Золушке, которая столько лет жила в нищете и заброшенности, хочется покрасоваться, пороскошествовать, пофорсить.

Ну да ладно. Я ведь затеяла этот разговор не для того, чтобы заступиться за сегодняшнюю Москву. Она в этом не нуждается. Я хочу рассказать о той, отнюдь не прекрасной Москве, о которой, тем не менее, сейчас говорят с придыханием.

Я еще помню Москву 1920-х годов. Мне было тогда и пять лет, и десять. И жила я с папой и мамой в переулке у Покровских ворот. Свидетельствую: и Покровка, и Маросейка, и Сретенка – они недалеко от Покровки – были скучные, некрасивые улицы. По обе стороны Покровки тянулись двух- и трехэтажные дома, довольно обшарпанные. Внизу помещались магазинчики с галантереей, наверху обитали жильцы. Правда, на Покровке, да и на Сретенке, встречались вкрапления – многоэтажные, каменные здания. Красивые и современные по тому времени дома были разбросаны по всему городу, они возвышались и на Арбате, и на Сивцевом

¹ Книга писалась до того, как мэр Собянин начал реновировать Москву. Видимо, по знаменитой формуле Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Вражке, и на Неглинной, и на Петровке, и на обеих Дмитровках, и, конечно же, на Кузнецком Мосту – параднейшей улице нэпманской Москвы.

Самые роскошные здания-громады возводились по заказу Страхового общества «Россия». Из этих зданий назову всего лишь два: одно тянется вдоль Сретенского бульвара и состоит из нескольких корпусов, соединенных арками, другое – на Лубянской площади (бывший отель Страхового общества). В нем помещались ЧК, ВЧК, ГПУ, НКВД, МВД, КГБ – словом, по Оруэллу, зловещее «Министерство Правды».

Поэт Коржавин в свои молодые годы почтительно-влюбленно назвал монстра на Лубянке «готическим зданием Чека». На моей памяти готическое здание постоянно росло вширь и, наверное, вглубь, где, как мы знаем, находилась внутренняя тюрьма, подвалы Лубянки. Ради наземного расширения здания ЧК сносились целые кварталы, и никто, разумеется, не спрашивал, какие памятники старины были при этом уничтожены. В 1948 году, то есть уже после победы над фашистской Германией, здание «Министерства Правды» было решено реконструировать, сделать более парадным. Реконструкцию поручили самому известному тогдашнему архитектору Щусеву. И Щусев превратил грозную раздавшуюся вширь громадину в нечто похожее на итальянский дворец XV века, взяв за образец Палаццо делла Канчеллерия в Риме. Старый циник Щусев прокомментировал свою работу так: «Попросили меня построить застенки. Ну, я им построил застенки повеселее...»

Страховое общество «Россия» и прочие крупные строительные компании возводили здания в Москве отнюдь не в 1920-х, а еще до революции. Правда, в 1920-х Ленин ввел в России нэп, дабы народ хоть немного отдохнул и отъелся после мировой войны 1914 года, после революции и гражданской войны, но до роскошных домов дело не дошло. Серьезные люди, которые строили грандиозные объекты в Москве, понимали, что нэп – всего-навсего короткая передышка и нэпманов-буржуев вот-вот перестреляют чекисты из «палаццо» на Лубянке.

Но все же при нэпе какая-то жизнь в Москве еще теплилась. На площадях стояли котлы с асфальтом, так как советская власть решила заасфальтировать булыжные мостовые на некоторых улицах. Вокруг горячих котлов грелись беспризорники, эти гавроши 1920-х, несчастные, завшивленные мальчишки, у которых не было ни родных, ни крова. Москвичи их боялись; беспризорники могли стащить кошелек, срезать сумку. Они курили, разговаривали на фене, нюхали кокаин... Там же, на площадях шла торговля. Она была хоть и бойкая, но довольно жалкая. Папиросы продавали врассыпную, детские игрушки были самоделки; мороженое тоже самодельное, его мороженщики делали дома, а не на хладокомбинате, привезенном Микояном из Америки только в 1930-х...

Театров, правда, было много. И книги еще выходили без цензуры. Но облика Москвы это не меняло.

Не верите? Тогда послушайте хорошего писателя Евгения Петрова. Вот что он написал в предисловии к «Записным книжкам» покойного Ильи Ильфа, своего друга и соавтора:

В 1923 году Москва была грязным, запущенным и беспорядочным городом. В конце сентября прошел первый осенний дождь, и на булыжных мостовых грязь держалась до заморозков. В Охотном ряду и в Обжорном ряду торговали частники. С грохотом проезжали ломовики. Валялось сено. Иногда раздавался милицкий свисток, и беспатентные торговцы, толкая пешеходов корзинами и лотками, медленно и нахально разбегались по переулочкам... Возле асфальтовых катков сидели беспризорные дети...

И далее из предисловия Е. Петрова видно, какой чудовищный быт сложился в Москве в 1920-х. Вот как он описывает жилище в общежитии, которое «счастливчик» Ильф получил от популярной в ту пору газеты «Гудок»:

Нужно было иметь большое воображение и большой опыт по части ночевки в коридоре у знакомых, чтобы назвать комнатой эти ничтожные количества квадратных сантиметров, ограниченные половинкой окна и тремя перегородками из чистой фанеры. Там помещался матрас на четырех кирпичах и стул. Потом, когда Ильф женился, ко всему этому был добавлен еще и примус...

В 1920-х в Москве появился канцеляризм «уплотнение». Он значил, что отныне квартиры уже не отбирали у прежних владельцев, как в годы революции, а всего-навсего уплотняли, подселяли новых жильцов. Превращали в коммуналки – очевидно, от слова «коммуна». Тогда казалось, наверное, что это ненадолго. Напрасно казалось. Коммуналки дожили до сегодняшнего дня!

Те здания, что возводились в Москве в 1920-х или в начале 1930-х, сейчас наперечет. Они построены по чертежам архитекторов-новаторов, их стиль – конструктивизм, среди них и дом знаменитого Ле Корбюзье на Мясницкой. Ключевые слова в отношении этих зданий – функциональность и серийность. Удобно, современно, ничего лишнего и создано на промышленной базе.

В одном конструктивистском доме у Павелецкого вокзала – не знаменитом – жила моя приятельница по Радиокомитету. Квартиру дали ее отцу, видному ответработнику (не знаю, как они в 1920-х именовались).

Спланирована была квартира весьма толково. Комнаты отдельные. Большая кухня, которая вполне могла служить и столовой. Широкий, удобный коридор. И даже кладовка – мечта всех домохозяек СССР. Полы, правда, не паркетные, но деревянные! Это, впрочем, пустяк. А вот и не пустяк. В квартире не было ни ванной комнаты, ни душевой. Приятельница объяснила причину – вблизи дома открыли баню. И проектировщики решили, что жителям дома негоже отрываться от народа: мыться надо в коллективе.

Но хватит о Москве 1920-х. Пора переходить к 1930-м годам.

Итак, 1930-е. Грандиозные. Величественные. Страшные. Ужасные.

Фасад 1930-х – пятилетки. Гиганты индустрии. Освоение Арктики. Беспосадочные перелеты. Мы – первые в мире! Энтузиазм масс. Миллионные демонстрации. Физкультурные парады на Красной площади. Военные парады... Ура!.. Да здравствует!..

Изнанка – коллективизация. Обезземеливание деревни. Депортация крестьян. Голод. Голодомор. Даровая рабочая сила или рабский труд. Возводи, что хочешь – хоть пирамиды. Массовые казни. Показательные процессы. ГУЛАГ...

Ну и как это все отразилось на Москве?

Москву власть щадила. Она стала витриной... Голод ее миновал. Но карточки все же ввели. И товары из открытой продажи исчезли – как продовольственные, так и мануфактура. С этим покончили раз и навсегда. Стало быть, возникли всевозможные кормушки для номенклатуры (правда, слова «номенклатура» в 1930-х еще не было). Появились и закрытые распределители, и закрытые поликлиники, закрытые ателье и закрытые столовые. Хотя работал Торгсин, куда вход был свободный. Там шла торговля не только с иностранцами, но и с «туземцами». Туземец-москвич выкладывал свое золотишко, спасенное в 1920-х от дяденок с Лубянки, а продавец давал ему взамен белые парусиновые туфли или шерстяной берет...

Но серьезные люди отоваривались в закрытых распределителях, а шили в закрытых ателье. В связи с этим до самых 1990-х исчезла реклама. Реклама «Летайте самолетами Аэрофлота» воспринималась москвичами как веселая острота. А на чем еще мы могли летать? На метле?

Закрытые заведения не только не рекламировались, но, наоборот, скрывали свое присутствие. Никаких вывесок. В спецстоловые вели незаметные двери, и на окнах висели домашние занавесочки. И всюду требовался пропуск. Ключевое слово было «бдительность».

В 1930-х годах для простых смертных ввели разные поощрительные награды. К примеру, ордера. Не ордена, а ордера. По ордеру, который получила мама, трудясь в ТАССе, она заказала для меня первые в моей жизни взрослые туфли. Мне стукнуло тогда пятнадцать, но я до сих пор помню эти кожаные, черные с серым полуботинки на маленьком каблучке... И еще я помню, как в 1940-м, когда у нашего курса ИФЛИ был выпускной вечер, мы, девушки, оглядев друг друга, увидели, что выходные платья на нас те же самые, что были на первом институтском вечере пять лет назад. Недолго думая, побежали в уборную и поменялись нарядами, чтобы хоть несколько часов побыть в «новеньком».

Вас это умиляет? Меня не очень.

Я написала, что москвичи, слава богу, не голодали. Но о нормальной еде пришлось забыть. В 1930-х меня, к примеру, удивляли бутерброды с копченой колбасой, которые мама приносила из буфетов на партсъездах, – там она и ее коллеги по ТАССу переводили на иностранные языки речи вождей. Удивляла не только колбаса, но и белый, хорошо пропеченный хлеб. И уж в полный восторг приводила карамель в аккуратных обертках-фантиках. Помню также, что наша домработница сбивала масло в большой кастрюле из купленной на рынке сметаны. О деликатесах типа осетрины, копченых колбас и черной икры, которых при нэпе было навалом, в 1930-х забыли и думать.

Может, наличие домработницы кого-то коробит, но так было. Либо в семье имелась бабушка, либо, если хозяйка работала, держали «живущую» домработницу. При бабушках были домработницы «приходящие».

Но при чем здесь город? Очень даже при чем. Не верю я, что самый великий и прекрасный город может процветать, если его жители терпят нужду, едят что попало, спят вповалку, одеты, как нищие...

Старая Москва – так же как и ее население – Сталина не интересовала. Ему было наплевать, что дома годами, десятилетиями не ремонтировались и, стало быть, ветшали, а иногда просто разваливались. Наплевать, что народа в коммуналках все время прибывало – рождались дети, приезжали родственники из провинции, где жизнь была еще тяжелей. Комнаты по-новому перегораживали, а жилищные нормы уменьшали.

Сказать, что в 1930-х в Москве ничего не строили, нельзя. Строили как раз много, но не для людей, вернее не для простых людей.

Перво-наперво на берегу Москвы-реки появился огромный Дом правительства (знаменитый Дом на набережной) – специально для номенклатуры. Его возводили американские инженеры. И для своего времени он был современным и функциональным.

Дома для власть имущих появились тогда же в разных районах Москвы – и в арбатских переулках, и в переулках недалеко от Чистых прудов. Их обитатели – партработники высшего звена – в большинстве своем были еще люди скромные и радовались отдельным квартирам и чистым подъездам с лифтершами. Но многие из них радовались недолго. Во второй половине 1930-х, в годы Большого террора, за жильцами элитных домов, в том числе Дома правительства, по ночам приезжали машины-фургончики – «черные вороны» – и увозили их на Лубянку.

Дома старых партийцев пустели, но... свято место пусто не бывает. В номенклатурные квартиры вселялись новые высокопоставленные жильцы.

Однако обо всем этом вслух не говорили. Боялись. Зато без конца обсуждали поистине грандиозные проекты московских новостроек. Самых амбициозных проектов, на мой обывательский взгляд, было четыре: новая Тверская, сиречь улица Горького; гостиница «Москва», метрополитен и мегапроект Дворец Советов.

Начну с Тверской. Перво-наперво перекроили здание Моссовета, ныне здание Московской мэрии. Вначале реконструкцию и надстройку этого здания поручили архитектурному мэтру Жолтовскому. Жолтовский был влюблен в итальянское зодчество эпохи Ренессанса, считался классиком неоклассицизма. Никакой современной архитектуры не признавал. Но Жолтовский после бесед с первым секретарем Московского комитета партии Щербаковым, фактическим хозяином Москвы, от реконструкции Моссовета отказался. В книге «Архитектура Сталина» я прочла, что это произошло после того, как Щербаков стал собственноручно рисовать колонны на его чертеже.

Ходила такая байка. Будто бы Жолтовский сказал: «Я человек старый и не хочу, чтобы про меня говорили: „Это тот, кто изуродовал дом московского генерал-губернатора“». Добавим: дом архитектора Матвея Казакова.

Эту байку я также прочла в книге «Архитектура Сталина». Но помню и другой анекдот по поводу нового облика здания на Тверской. «Один пьяный говорит другому: „Видно, я и впрямь допился до белой горячки. У меня давно двоилось в глазах, но чтобы я видел, что два одинаковых дома стоят один на другом, – такого еще не было. Стало быть, двоится уже и вдоль и поперек“».

В 1930-х на Тверской – от Охотного Ряда до Страстной площади – снесли множество старых домов и возвели помпезные корпуса по проектам архитектора Мордвинова и его мастерской.

Квартиры в этих роскошных зданиях предназначались для новой знати – стахановцев, летчиков, полярников, лауреатов-артистов, изобретателей, ученых и... людей творческих профессий.

Мы, молодые москвичи, называли Тверскую «Бродвеем» и гуляли по этому «Бродвею». Но вот беда. На нашем «Бродвее» нельзя было посидеть за чашечкой кофе или перехватить бутерброд и выпить кружку пива. На Тверской, по крайней мере в этом ее сегменте, открыли только бар «Коктейль-холл», переименованный московскими остряками в «Ёрш-избу», и дорожный грузинский (!) ресторан «Арагви». На другой стороне улицы, правда, был роскошный отель «Националь» с не менее роскошным рестораном. Но кто же туда ходил?

Архитектура мордвиновских корпусов всегда казалась мне странной. Ее называли «сталинский ампи́р». Особенно странным был дом на углу Тверской и Страстного бульвара – на его крыше красовалось нечто вроде беседки-ротонды, а рядом стояла (на пуантах) балерина... Молва гласила, что балерина – Галина Уланова.

Но так или иначе – Тверская преобразилась. Преобразилась по воле Сталина. А все, что Сталин совершал, носило его фирменный знак – жестокость. Людям из домов, которые снесли, зачастую не давали никакого другого жилья. Их просто выгоняли на улицу. Знаю это не понаслышке. В одном из снесенных домов жила моя приятельница Верочка Острогорская. Было ей тогда двадцать, и она числилась студенткой Литературного института. И вот чиновник из Моссовета посоветовал ей построить себе квартиру самостоятельно и даже предложил кое-какие стройматериалы, в том числе... паклю. Звучало это как злая ирония. Самостоятельно можно было построить в 1930-х разве что собачью конуру. Пакля Веру должна была добить, но Вера не смешалась и быстро сказала: «Зачем мне пакля? Я ведь не птица, гнезда вить не умею». Не знаю, как на это отреагировал чиновник, но мы, друзья Веры, не оценили ее юмора. В 1930-х за такие шутки можно было получить срок...

Выше я написала, что архитектура вновь выстроенной Тверской показалась мне странной. Еще более странным был фасад огромного здания в Охотном Ряду – гостиницы «Москва». Он состоял из двух половин, и каждая половина имела свое архитектурное решение. Словом, не фасад, а двуликий, или скорее разноликий, Янус. Теперь говорят, что архитекторы предложили Сталину два варианта фасада – и вождь подмахнул, не глядя, оба...

Вот какие казусы происходят при диктатурах.

Но хватит вспоминать наземные монстры, пора вспомнить самый грандиозный осуществленный сталинский проект для Москвы 1930-х годов – первую линию метро.

Строительство московского метрополитена отражено и в песнях советских композиторов, и в стихах, и в толстых подарочных изданиях книг. Ну а мы, современники, слышали о нем на всех политзанятиях, читали во всех газетах. Из дня в день нам рассказывали, как комсомольские бригады метрополитеновцев, соревнуясь друг с другом, проходили особо трудные пласты, как боролись с пливунами, как прокладывали тоннели и как создавали станции глубокого залегания.

Фокус советской журналистики-пропаганды заключался в том, что о московском метро говорили так, будто оно станет невиданным чудом, единственным в мире. А между тем подземки существовали уже во многих столицах и крупных городах Европы и Америки.

У меня с метро связано замечательное воспоминание: 1935 год. Весна. Мы с подружкой Шурой, ученицы десятого класса, прогуливаемся по центру, и вдруг нас останавливает незнакомый мужчина. Замечу à propos: в то время молодым девушкам и в голову не приходило бояться незнакомых мужчин, которые заговаривали с ними на улице. Итак, нас остановил мужчина и сказал примерно следующее: мол, у него два билета на поездку в метро, которое официально еще не открыто, но, к сожалению, он билетами не может воспользоваться. Срочно покидает Москву. Готов отдать нам эти билеты, чтобы мы вместо него прокатились от Охотного Ряда до Сокольников...

Радость наша не знала предела. Мы, конечно, сразу решили, что незнакомец – командировочный, один из героев пятилетки, которого вызвали в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности, может, вызвал сам «Серго» (Орджоникидзе). Горячо поблагодарив «героя», мы не без робости вошли в вестибюль станции «Охотный Ряд», спустились по эскалатору на платформу и сели в чистенький пустой вагончик, и чудо-поезд мигом домчал нас до станции «Сокольники». Ну а потом мы долго-долго добирались к себе домой, Шура – на Новую Басманную, я – к Покровским воротам.

А всего через год, уже студентка, я ежедневно проделывала тот же путь – ездила на метро в Сокольники, где находился мой институт ИФЛИ. Только садилась в метро не на Охотном Ряду, а у Мясницких ворот...

Метрополитен был нужен москвичам как воздух, но не уверена, что им необходимы были стены, облицованные мрамором всех цветов, драгоценная мозаика, фрески, панно, изваяния, статуи, барельефы и хрустальные люстры.

Пусть простят меня поклонники сталинской архитектуры, мне и в 1930-х не нравились, казались безвкусными подземные метродворцы, кроме, пожалуй, станции «Кропоткинская» архитектора Душкина (тогда она называлась станция «Дворец Советов»).

И все-таки затратный метрополитен (мы за ценой не постоим!) не был показухой. Он был нужен нам и по-другому нужен был и Сталину. Метро было нужно для грядущей войны, которую Сталин уже тогда готовил, но и боялся. Показухи в тогдашней Москве и без метрополитена хватало. Приведу только один пример – звезды на башнях Кремля.

В 1930-х решили поменять царских двуглавых орлов на красные пятиконечные звезды; поменять символ одной эпохи на символ другой. Вполне объяснимое решение. Но шумиха вокруг будущих звезд поднялась такая, будто сталинские умельцы не новые звезды мастерили, а сам Кремль заново строили. Без конца повторялось, что звезды обязательно будут рубиновыми – не красными, а именно рубиновыми. Видимо, из рубинов, которые, как известно, считаются наряду с алмазами, сапфирами и изумрудами драгоценными камнями первого класса и в большом количестве предназначены разве что для украшения царских корон и скипетров.

Когда звезды, наконец-то, появились на шпилях древних кремлевских башен, я побежала смотреть сие чудо-юдо. Задрав голову, увидела темные, мелкие, не сильно впечатляющие комочки. Потом выяснилось, что звезды отнюдь не из рубинов, а из рубинового стекла.

А недавно, стало быть, более чем через полвека, я узнала из газет, что они трехслойные – из рубинового стекла, из хрусталя и из матового стекла. И освещаются изнутри сверхмощными лампами. В общем, я давно поняла, что со звездами из рубинов мне морочат голову.

И наконец, все 1930-е годы шла подготовка к суперграндиозному строительству Дворца Советов. Это сооружение должно было стать чем-то небывалым, чем-то в стиле египетских пирамид, что ли.

Дворец Советов решено было возводить в самом центре Москвы. На всякий случай снесли храм Христа Спасителя, который хоть и строили целых сорок лет, но, как считалось тогда, он не представлял собой «художественной ценности». Это я цитирую тогдашнюю формулировку.

Победителем конкурса на архитектурное решение уникального Дворца Советов оказался знаменитый архитектор Иофан. По его замыслу, само здание Дворца должно было служить пьедесталом для гигантской статуи Ленина.

Помню, в Москве говорили, что голову Ильича никто так и не увидит. Она будет окутана облаками.

Естественно, Дворец Советов предполагалось окружить огромным парком.

Пока подробности будущей мегастройки обсуждались, в Москве стоял вселенский плач. Ведь целый многонаселенный район был обречен на снос. Боясь оказаться на улице, коренные москвичи меняли свои комнаты на любые углы в любых халупах, чтобы только убежать подальше от будущего Дворца... Суеверные граждане решили, что место это заколдованное. Будто бы на нем стояла древняя старообрядческая церковь, которую сожгли, и будто бы старообрядец-поп проклял ту землю на веки вечные.

Но Дворца Советов Сталин, как известно, не построил, и все торжественные мероприятия сталинской и послесталинской России – от показательных процессов до похорон вождей, от Первого съезда писателей до шахматных поединков Карпов – Каспаров – проходили в Колонном зале старого Дворянского собрания, которое большевики переименовали в Дом Союзов.

В утешение самой себе скажу, что в XX веке не только Россию, но и другие цивилизованные страны обуял бес гигантомании. Сперва это произошло с фашистской Италией, за Италией последовала Германия – страна, славящаяся своими протестантскими добродетелями: умеренностью, скромностью, благоразумием. Немецкие бюргеры в 1930-х отвернулись от своих фахверковых домиков и возжелали любоваться сооружениями-гигантами. Лейб-архитектором Гитлера стал Шпеер, и в Нюрнберге появился грандиозный стадион для грандиозных парадов и не менее грандиозной Олимпиады 1936 года. Была построена и огромная так называемая «Имперская канцелярия» – резиденция Гитлера, где этот пигмей восседал за необъятным письменным столом. И наконец, в 1937 году на Международной выставке в Париже немцы создали впечатляющий павильон, который занял второе место, уступив только павильону СССР, увенчанному скульптурой Мухиной «Рабочий и колхозница».

Я всегда считала, что гигантоманию насаждают диктаторы в странах с тоталитарными режимами. А на старости лет вдруг подумала, что, быть может, все обстоит с точностью до наоборот. Гигантомания, возможно, поветрие, охватывавшее само общество, а вожди и фюреры всего лишь первыми улавливали сей тренд. Но здесь не место рассуждениям об «имперских канцеляриях» и стадионах нацистов. Что мне Гекуба? Я всю жизнь прожила в Москве...

Итак, сталинская Москва... В этой Москве в 1930-х не столько строили, сколько разрушали.

Именно в 1930-х окончательно уничтожили то, что я назвала бы «скромным обаянием Москвы»: бесчисленные дворянские и купеческие особнячки плюс «сорок сороков» – церкви и часовенки, понатыканные в старой Москве буквально на каждом шагу.

Я совершенно сознательно начала разговор о Москве не с особнячков и не с церковей, а со зданий, построенных в самом конце XIX века и в самом начале века XX, ибо эти дома очень похожи на дома в других европейских городах, будь то Берлин или Прага. Они свидетельствуют о том, что Москва шла по тому же пути, что и вся Европа. Более того, Москва должна была превзойти Европу, ибо именно в Москве жили в ту пору самые главные люди цивилизованного мира... По Хамовникам запросто гулял Лев Николаевич Толстой; по Петровке, обеим Дмитровкам, да и по Камергерскому переулку хаживал Антон Павлович Чехов, а в районе нелепого здания театра Советской армии родился сумрачный и беспощадный гений – Федор Достоевский – кумир нескольких поколений и россиян, и европейцев. Что было, то было...

Ну а теперь вернемся к, так сказать, музейной застройке Москвы, к особнякам. Вся прелесть этих особняков и особнячков заключалась в том, что каждый из них имел свою фишку: несколько колонн перед фасадом или подъезд, украшенный львами, а то и грифонами; резной флюгер на крыше или каменную терраску со ступеньками, которые вели прямо в сад, с такой же каменной оградой и с каменными вазонами. А порой и просто особенно красивые двери в подъезде или чудесную ажурную решетку на балконе. Добавим к этому замечательный внутренний декор – паркет, лепнину. За всей этой красотой надо было ухаживать, и, естественно, она исчезла в тот самый час, что и хозяева особняков. Освободившуюся, ничейную жилплощадь немедленно заселили под завязку. И тут же несчастные жильцы начали ломать, городить, перестраивать.

Вся красота одноэтажной Москвы пропала, так сказать, самотеком. Но, кроме того, в 1930-х власти стали активно уничтожать то, что еще можно было спасти.

Снесли белые стены Китай-города. Таких стен, по-моему, нет ни в одном европейском городе. Снесли древнюю Сухареву башню. Зачем? Почему? Выкорчевали вековые деревья на Садовом кольце, хотя машин было в ту пору еще очень мало и деревья никому не мешали.

Прочла у Эренбурга в книге «Люди, годы, жизнь» похожее перечисление варварски уничтоженных памятников старины в начале 1930-х. И поняла, что забыла о «Красных воротах». Вот что пишет Эренбург: «Помню разговор с И. Э. Грабарем. Он рассказывал, что многие архитекторы протестовали против сноса Красных ворот. Писали в докладной записке, что эта арка не мешает уличному движению... Доводы не действовали».

Позже судьбу Красных ворот разделила Триумфальная арка. Ее снесли на площади Маяковского, потом поставили в конце Кутузовского проспекта. Советские градоначальники с позволения Сталина распоряжались Москвой как собственной вотчиной.

Не буду дальше перечислять утраченное. Но не могу не сказать об одной церкви на Покровке... Эту церковь я еще помню, поскольку первые двадцать лет жизни прожила, как сказано, в переулке у Покровских ворот. Речь идет о церкви Успения Пресвятой Богородицы. Она была построена в конце XVII века и являлась, как я потом узнала, шедевром нарышкинского барокко. Церковь была необыкновенно хороша и необыкновенно нарядна. И создал ее простой «смерд» Петька Потапов – гениальный самородок. Знаменитый Баженов сказал о церкви Успения на Покровке, что по красоте она не уступает собору Василия Блаженного на Красной площади.

Зачем же уничтожили эту прелесть? Впрочем, мое «зачем» звучит смешно. А зачем Сталин расстрелял в те же 1930-е, за три-четыре года до войны с нацистской Германией, своих лучших маршалов и комбригов?

Неконтролируемая злоба и ненависть плюс невежество не знают слов «зачем» и «почему». Но не мне с этим разбираться. Как сказано, моя тема – Москва и еще, пожалуй, москвичи. Так вот, могу отметить, что москвичам в ту пору было не до Москвы. Ведь 1930-е – это годы Большого террора. Любого человека можно было объявить «врагом народа» и отправить в ГУЛАГ... Какой же смельчак решился бы – нет, не осудить, а всего лишь обсудить сталинские планы строительства?

И все же не буду утверждать, что Москвою в ту пору правил один лишь страх. Сталин изрек: «Жить стало лучше, жить стало веселей». И вот уже москвичи запели: «Эх, хорошо в стране советской жить!», а потом и «Широка страна моя родная»... И на улицах перед кино-театрами появились огромные щиты, с которых проходим улыбалась без трех минут Мэрилин Монро – Любовь Орлова. Режиссер Александров снял три знаменитых фильма с этой почти голливудской красавицей: «Веселые ребята», «Цирк» и «Волга-Волга». И Орлова спела: «Сердце, тебе не хочется покоя, сердце, как хорошо на свете жить». А до этого Александров съездил в США. Вернее, в САСШ – аббревиатура тогда была такой. Америка в начале 1930-х еще не стала врагом номер 1. На колхозных полях трудились американские тракторы «Форд-зоны», трудились до тех пор, пока мы не научились делать такие же тракторы на Харьковском тракторном. И еще: наши заводы-гиганты по всей стране помогали строить американские специалисты. Как написал мой любимый Зощенко: «Какой прогресс и агрикультура»...

Но не только в кино мы веселились, смеялись и радовались... Во всех клубах, домах культуры и парках типа Сада Баумана или ЦПКиО (Центрального парка культуры и отдыха) появились массовики-затейники, которые учили москвичей разным веселым играм и пляскам. (Позднее эти игры-пляски остряки называли «два притопа – три прихлопа».)

Более того, в 1930-х разрешили танцевать западные танцы – фокстрот, танго и чарльстон. И даже временно перестали бороться с джазом.

Заметим в скобках: в фашистской Германии джаз, фокстроты и прочие негритянские непотребства в конце 1930-х были запрещены...

Апофеозом 1930-х стала сталинская Конституция. Но Конституция касалась не одной только Москвы, а всего Союза. Поэтому не стану говорить о ней. Перейду сразу к 1940-м, военным, годам.

Как сказал поэт: «Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые... / Война гуляет по России / А мы такие молодые!»

В самые драматические месяцы сороковых-роковых, в сентябре – октябре 1941 года, меня в Москве не было. 16 октября, когда гитлеровские генералы уже разглядывали через свои цейсовские бинокли Кремль, я колесила по России.

Теперь, на старости лет, читаю иногда, что Москву несправедливо объявили городом-героем. Мол, этой чести она не заслужила. В самые тяжелые дни москвичи бросились бежать, вместо того чтобы защищать столицу. Пишут подобное вполне уважаемые люди, например Даниил Гранин. Я с этими людьми в корне не согласна. В октябре 1941-го, когда из Москвы народ бежал или, как тогда уничижительно говорили, «драпал», многомиллионный город был совершенно беззащитен; гитлеровские армии стояли фактически уже не на подступах к Москве, а в самой столице, в Химках.

Что могли сделать безоружные москвичи, оказавшись лицом к лицу с вооруженным до зубов нацистским вермахтом? Выйти на улицу, соорудить баррикады и хором спеть старую революционную песню: «И все умрем за это»?

Особая статья – товарищи начальники: вместо того чтобы подумать о детях и стариках, они 16 октября возглавили драп, благо в их руках находился транспорт в виде эмок и грузовиков. По свидетельству Георгия Мирского², эти самые эмки 16 октября неслись по пустым улицам Москвы с начальственными семьями внутри и с тюками на крыше, увозя их владельцев подальше от Москвы. Но к рядовым москвичам это не имело отношения.

А с тех самых пор, как свежие сибирские дивизии отбросили немецкие танки от Москвы, или с тех пор, как нацистский фюрер поменял планы и повернул свои главные силы к Волге, –

² Георгий Мирский, талантливый человек, видный международник, арабист, всю войну подростком провел в Москве. В 2001 году издал свои мемуары «Жизнь в трех эпохах».

существуют разные версии событий осени 1941 года – с тех самых пор Москва показала и свою стойкость, и свое мужество.

Я была в Москве проездом весной 1942-го и ужаснулась тому, как тяжело выживала вернувшаяся из эвакуации мама, а осенью того же года приехала домой насовсем и разделила с другими москвичами их заботы и тяготы.

Скажу коротко: Москва была темная, холодная, полуголодная и нищая. И притом все функционировало: переполненные трамваи бегали по своим маршрутам, карточки выдавались вовремя, заводы работали, почтальоны разносили треугольнички без марок – письма с фронта, а в амбулаториях (поликлиниках) старички-врачи – молодых медиков мобилизовали – исправно лечили больных. Даже милиция в Москве была в ту пору дружелюбной и заботливой. Знаю это не понаслышке; я трудилась в ТАССе, засиживалась часто допоздна и тогда имела дело с ночными, иногда милицейскими, а не военными патрулями...

И день в день, час в час выходили в Москве газеты, которые читали тогда так, как не читали никогда раньше. В «Красной звезде» все четыре года войны ежедневно печатались статьи Ильи Эренбурга. Гениальные статьи. И люди им верили. Недаром в списке врагов Гитлера и его рейха первым стоял Эренбург. Врагом номер 1 был не Сталин и, уж конечно, не диктор Левитан, как нам сообщили в 2015 году наши СМИ, а Илья Эренбург.

Но вот война закончилась. Мы победили! Ах, как люди ждали этого дня. Казалось, стоит снять с окон черные бумажные шторы (светомаскировку) и начнется новая, счастливая жизнь. Впрочем, «на свете счастья нет, но есть покой и воля».

Но о каких покое, воле, счастье можно было говорить при Сталине?

В самом конце жизни я, по-моему, поняла преступную логику Сталина, а стало быть, его планы по устройству послевоенного мира.

В итоге войны он вернул себе то, что захватил в период пакта Риббентропа – Молотова, а на Ялтинской конференции 1944 года с согласия Черчилля и Рузвельта по праву победителя наложил лапу на страны Восточной Европы и на Балканские страны. Отошла к нему фактически и половина Германии – будущая ГДР.

И перед ненасытными взорами диктатора замаячило то, что международники Страны Советов именовали «мировым господством».

Только этим, на мой взгляд, можно объяснить сталинскую политику в тот промежуток времени, который ему еще оставался, – от конца войны в мае 1945-го до смерти в марте 1953-го.

В эти восемь лет Сталин начал активно готовиться к новой войне, к войне со всем миром.

Не верите? Но зачем тогда надо было лихорадочно перевооружаться? Создавать сперва атомную, а потом и водородную бомбы? Ставить на поток производство все новых и новых ракет, истребителей, бомбардировщиков, орудий?

Зачем надо было сразу же после победы заново лепить образ врага – как внешнего, так и внутреннего?

При выборе внутреннего врага Сталин превзошел себя, проявил поистине дьявольский цинизм и наглость: воспользовался испытанным в веках оружием реакции – антисемитизмом. Не побоялся того, что антисемитизм и Холокост стали позорной меткой гитлеровского режима, только-только разгромленного Советским Союзом и его союзниками.

Ну а как все это отразилось на Москве?

Отразилось самым непосредственным образом.

В Москве появилась новая газета «Культура и жизнь» – аналог нацистской газеты «Штурмер», которую делал патологический антисемит Юлиус Штрейхер и которая вызывала брезгливость даже у самих нацистов.

Советский «Штурмер» включился в кампанию по разоблачению театральных критиков-космополитов. Вина космополитов заключалась в том, что они якобы скрывали свои еврей-

ские фамилии, взяв себе в качестве псевдонимов фамилии русские. Кроме того, евреи-критики мешали русским драматургам ставить свои пьесы на сценах столичных театров. В итоге разоблачения театральных критиков-космополитов во МХАТе, на занавесе которого парила чеховская «чайка», появилось творение Сурова «Зеленая улица», а на сцене театра Вахтангова, где сам гениальный Вахтангов ставил «Принцессу Турандот», в 1960-х шли комедии А. Софронова «Стряпуха» и «Стряпуха замужем». На моей памяти интеллигенция перестала ходить на спектакли, которые хвалили в прессе.

Но все это были цветочки. Критиков даже не посадили. Наверное, потому, что они не годились для показательных процессов.

В чем они там могли признаться? В том, что готовили покушение на старуху Яблочкину, народную артистку Малого театра? Или в том, что сообщили японской разведке репертуарный план Большого театра?

Только уже в 1950-х годах нашли евреев, которых можно было показательно судить, объявив злодеями, преступниками, извергами рода человеческого, наймитами Америки, Англии и других стран капитала.

Извергами-наймитами стали известные врачи, лечившие кремлевских вождей. Дескать, врачи-наймиты уже много десятилетий не лечили, а, наоборот, убивали наших драгоценных вождей и военачальников, а также нашего Горького. И поскольку евреев-врачей было в СССР немало, каждый одураченный гражданин Страны Советов мог мысленно перенести их отвратительные деяния на самого себя и думать при этом: «Ежели евреи подняли руку на Жданова и Щербакова, на Орджоникидзе и Горького, то тем паче они могут залечить до смерти и меня, безвестного труженика».

Зачем я все это пишу в заметках о внешнем облике Москвы?

Мне хочется рассказать молодым, в какой обстановке товарищ Сталин захотел украсить столицу после Великой Победы.

Итак, послевоенная разруха. Только-только отменили карточки. И только-только провели денежную реформу – если у людей еще сохранялись рублики, то теперь они пропали. Жилой фонд в ужасном состоянии. По переулкам в центре ходят здоровые ребята из городских служб с лестницами и сбивают кувалдами ветхие балконы со старых особнячков, чтобы они, упаси бог, не обрушились прохожим на головы. Все московские подвалы и углы в коммунальных забиты новыми жильцами – людьми, всеми правдами и неправдами пробравшимися в столицу. Но главное, в каждой второй московской семье – невосполнимые потери: не вернулись с фронта отец, сын, муж, брат-сват, жених. И на улицах Москвы полно инвалидов – у некоторых подколот рукав, а кто-то и вовсе на костылях. В подмосковных электричках из вагона в вагон передвигаются калеки-нищие, поют свой авторский шансон о Льве Николаевиче Толстом и о графине Толстой. Гордые инвалиды не просят милостыню, и им не подают. Как можно? Им платят за исполнение авторских песен...

Беда, нищета и несчастья лезут из всех щелей!

И тут по Москве проносится слух: тов. Сталина, нашего Вождя и Учителя, не устраивает... силуэт Москвы. Да, да, именно силуэт.

Он, тов. Сталин, помнит, что раньше на горизонте поднимались церковные купола и колокольни с православными крестами. «Где все это?» – будто бы вопрошал Сталин. И поскольку соратники так и не подсказали Вождю, куда подевались церкви, Сталин повелел создать новый московский силуэт взамен старого. Возвести соответствующей высоты здания со шпилями, а на шпилях поместить пятиконечные звезды...

Напомним читателю, что в ту пору шла борьба с космополитизмом и с космополитами, в конечном счете с Западом, посему наш силуэт не должен был походить на их силуэт, а наши высотные здания – на их небоскребы.

Не знаю доподлинно, как все было разыграно и что тов. Сталин говорил на самом деле, но уже к началу 1950-х в Москве построили семь высоток. Могу их перечислить: университет на Ленинских горах, здание МИДа на Смоленской, гостиницы «Ленинградская» и «Украина», жилой дом на Котельнической набережной, жилой дом у Красных ворот и жилой дом на площади Восстания³...

Естественно, сталинские пирамиды строились с привлечением рабского труда. На сей раз то был в основном не труд зэков, а немецких военнопленных. До сих пор на юго-западе, и не только на юго-западе Москвы сохранились дома гэбистов, которые сторожили заключенных-строителей. Считается, что и котлован для кооперативного дома Академии наук, где я живу, выкопали немцы-военнопленные. Меня это не трогает. Незачем было немецким воякам лезть в Россию.

Нравятся ли мне высотки?

Нет, не нравятся. На мой взгляд, их правильно назвали «тортами с кремом». Чистая эклектика.

Правда, не нравятся мне и американские небоскребы. Дважды побывав в Нью-Йорке, где вот уже сорок лет живет сын, я убедилась, что и нью-йоркские небоскребы безвкусны и крикливо-роскошны. И все же они отличаются от наших высоток в лучшую сторону: небоскребы были построены в богатой стране, наши высотки – в нищей. Поэтому и московские гиганты уже путинской эпохи, по-моему, куда уместней и лучше, чем их семь собратьев, возведенные в годы сталинщины.

Нельзя сказать, что во второй половине 1940-х и в два первых года 1950-х в Москве ничего, кроме высоток, не строилось. Немецкие военнопленные возвели сотни домов, в частности на Хорошевском шоссе и на других московских окраинах.

При Сталине построили многоэтажный Ленинский проспект. А до этого Большую Калужскую. Насколько я знаю, ее заселили гэбэшники. А в районе Ленинского проспекта на юго-западе столицы появились здания научных институтов, и вокруг них начали селить ученых-физиков, математиков, химиков и других представителей точных наук. «Богатым» академикам давали квартиры бесплатно, а доктора и кандидаты наук (победней) вступали в жилищные кооперативы Академии наук и получали воделенную жилплощадь за деньги. И улицы в этом районе называли именами ученых: улица Вавилова, улица Академика Петровского, Ломоносовский проспект, проспект Вернадского, улица Бардина, улица Ферсмана...

Советская власть явно придерживалась принципа римских императоров: «разделяй и властвуй». Посему в Москве так и повелось: физики живут на юго-западе, в районе Ленинского проспекта, лирики (писатели, киношники, художники) – в районе Ленинградского проспекта, между метро «Аэропорт» и метро «Сокол»...

И для военных создали специальный анклав в районе Волоколамского шоссе, Песчаных улиц, Хорошево-Мневников. Немецкие военнопленные построили там целый город похожих друг на друга зданий, и улицы называли именами маршалов и генералов: проспект Маршала Жукова, проспект Маршала Василевского, улица Маршала Конева, улица Маршала Бирюзова, улица Маршала Вершинина, улица Маршала Баграмяна. И даже улица Маршала Тухачевского.

Впрочем, особо облаканные сталинской властью товарищи, будь то писатели или военачальники, художники или артисты, получали квартиры в пределах Садового кольца.

До сих пор дома, возведенные в конце 1940-х – начале 1950-х, именуются «сталинскими»; их считают престижными, солидными, добротными: толстые стены, лоджии, высокие потолки, большие парадные...

³ Теперь начали писать, что Сталин намеревался возвести еще одну высотку – самую грандиозную – в Зарядье. Но не успел. И будто бы на фундаменте этой высотки построили гостиницу «Россия». Ее тоже снесли. Как известно, там разбили парк невиданной красоты!

Я живу в сталинском доме, правда, в кооперативном... И не пристало мне его хаять. Ведь получение отдельной квартиры в этом доме, пусть за деньги, я считала и до сих пор считаю и чудом, и счастьем.

А теперь пора окончательно переходить к 1950–1960-м годам.

Нам всем известен день, когда начались эти 1950–1960-е. Они начались не 1 января 1950 года, а 5 марта 1953-го, когда умер Сталин. Довольно быстро к власти пришел новый царь – Никита Хрущев. Почти фольклорный персонаж.

Что осталось в памяти у большинства о его недолгом царствовании – с 1953-го по 1964-й?

Ворох смешных анекдотов и легенд о глупых Никитиных промахах. Никита, сняв с ноги башмак, стучал им на сессии ООН в США. Обещал за двадцать лет, то есть к 1980 году, догнать и перегнать Америку, а заодно построить в СССР коммунизм. Приказал сажать кукурузу и там, где надо, и там, где не надо. Орал на художественной выставке в Манеже: «Ослиным хвостом малюете...», «педарасы». Хотел отнять (правда, не отнял) у людей только-только полученные автомобили, гаражи и прочую частную собственность. Предлагал построить вместо деревень... агрогорода. И т. д. и т. п.

Ну а теперь посмотрим, что на самом деле совершил Хрущев.

На XX съезде партии, меньше, чем через три года после смерти Сталина, сказал с трибуны громко, на весь мир, что Сталин пытал и казнил невинных людей, гробил миллионы в концлагерях.

Фактически отменил «крепостное право», введенное Сталиным. Дал паспорта крестьянам. И даже пенсию, пусть грошовую.

Уже в 1961 году, после XXII съезда партии, вынес тело тирана из мавзолея.

Мумию Ленина власть не может похоронить девяносто два года. Не хватает решимости. А у смешного Никиты хватило решимости выбросить из мавзолея Сталина.

Перечисляю дальше: именно Хрущев первым из генсеков стал ездить в Западную Европу и в США. И именно он пробил первую брешь в железном занавесе: разрешил простым гражданам турпоездки за границу. Пусть со многими оговорками, но разрешил.

Дал добро на опубликование «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына в журнале «Новый мир» Твардовского. И нанес этим цензуре СССР такой удар, от которого она уже не смогла оправиться.

Начал строить жилье не для маршалов и прима-балерин Большого театра, не для министров и членов ЦК, а для простых граждан. Пусть бедное жилье, пусть на окраинах, но строил быстро и в огромном количестве.

Замахнулся на всемогущую партийную бюрократию – планировал разделить партийные органы на городские и сельские.

И уже под конец жизни, когда его свергли соратники, написал мемуары и даже... отправил их на Запад, хотя это и могло стать для него смертельно опасным.

Конечно, на его совести и Венгрия, и расстрел людей в Новочеркасске, и Берлинский кризис, и кошмарный Карибский кризис, грозивший миру ядерной катастрофой... Не без этого. Но какие могучие витальные силы поднялись в полузадушенной стране всего за одиннадцать лет хрущевского царствования! Буквально из-под земли появились и новое кино, и новая литература, и новый театр. И новая журналистика.

И разве не в эпоху Хрущева Королев, вытасченный из шарашки, создал первый в мире пилотируемый космический корабль? И разве не в эпоху Хрущева Гагарин полетел в космос?

Разговорились! Не к месту!

Ну а что сделал для Москвы Хрущев? И здесь вспомнят в первую очередь все дурное. Хорошее забыли. Запомнили прорубленный Новый Арбат – «вставную челюсть». Впоследствии Арбат (старый) превратили в пешеходную зону. Смысла в этих новациях и впрямь было немного. Скучный Арбат не стал ни Монмартром, ни Унтер-ден-Линден – роскошной пеше-

ходной улицей довоенного Берлина с богатыми магазинами и нарядной толпой. Иностранцы не пошли на старый Арбат. Как гуляли по Красной площади и глазели на Кремль, так и продолжают гулять.

Гораздо печальней, что при Хрущеве доломали Зарядье, а также снесли древние здания в Кремле, чтобы построить Дворец съездов.

Впрочем, тут уместно вспомнить старую поговорку: «Снявши голову, по волосам не плачут».

На каком основании у москвичей вообще отобрали Кремль? Почему территория Кремля не стала таким же парком, как Царицыно? При Хрущеве хотя бы на часть территории начали пускать посетителей. Но почему только на часть? И почему не откроют дворцы? И не идет служба в соборах?

Но больше всего нареканий вызвало поистине грандиозное дешевое строительство, которое Хрущев начал по всей стране.

Пятиэтажки, вернее кварталы пятиэтажек, остряки сразу окрестили хрущобами.

Я хорошо знала такой квартал в Москве на Открытом шоссе. В одном из новеньких домов дали (бесплатно) двухкомнатную квартиру любимому брату мужа Азару. До этого брат с женой и сынишкой жили в одной комнате в многоэтажном доме на Рождественском бульваре. Естественно, в коммуналке еще с двадцатью жильцами. В их с женой и сыном комнате было, кажется, 18 метров, но в ней еще отгородили высоким шкафом закуток метра в два, где жена Азара хранила кое-какие припасы, а также ведра и тазы, которые нельзя было держать ни на общей кухне, ни в общей ванной.

И тут вдруг Азар, как сказано, получает двухкомнатную квартиру с отдельной (пусть маленькой) кухней, с отдельным санузелом (пусть совмещенным), с балконом и с небольшой кладовкой...

Я часто бывала в этой квартире на Открытом шоссе. Там все было до мелочей продумано, функционально, удобно и уютно.

Брат мужа, талантливый технар, один из безвестных тружеников, обеспечивавших и техническое, и военное могущество СССР, охотно занимался домом. А его жена была отличной хозяйкой. Когда их сын женился и уехал с Открытого шоссе, оказалось, что для двоих квартира в пятиэтажке вполне приемлема. Более того, инженер Лагутенко, строивший хрущобы, куда лучше разбирался в современной планировке, нежели знаменитые сталинские архитекторы. Столовая в двушке должна быть обязательно связана с кухонькой: бегать хозяйке по коридору на кухню неудобно, а прислуги у нее не предвидится. Большая ванная комната не так уж и нужна, а вот без кладовки очень трудно обходиться – загромождать скромное жилье шкафами не стоит.

Нет, я не против, чтобы люди жили в просторных хоромы... Но от имени таких, как любимый брат мужа Азар, как его жена Мара, да и от своего имени коренной москвички, прожившей до сорока лет в коммуналках, я хотела бы воздать должное и Хрущеву, и Лагутенко, и вообще всем людям, причастным к массовому строительству жилья в Москве. Да и не только в Москве.

Самое главное, что Хрущев создал какую-никакую промышленную базу для массового строительства. В середине 1950-х вышло два постановления: первое – «Об индустриализации строительства», второе – «Об излишествах», вернее о недопустимости излишне украшать дома, удорожая их.

Сразу же после этих постановлений возникло множество разного рода строительных комбинатов для создания всех тех компонентов, без которых невозможно современное массовое строительство, – от железобетонных блоков до сантехнической и электротехнической начинки целых узлов. Из этих узлов» возводились не только пятиэтажки, но и многоэтажные дома разной конфигурации. Что бы ни говорили снобы, но именно это и было московским «чудом».

Простые люди, наконец-то, получили, пусть и скромное, но столь необходимое современное жилье.

Появилось в ту пору и большое количество кооперативов, сравнительно недорогих. И это тоже было чудом. Доступным, увы, не всем, ибо жилищных кооперативов всегда оказывалось меньше, чем нуждающихся в них.

Кроме того, «чудо» это было со множеством ограничений, оговорок и реверансов в сторону догматиков, радевших о чистоте социализма.

Кстати, и пресловутые шесть соток тоже давали со множеством условий. Одно время на них нельзя было построить дачный домик – только сарай для инструментов; потом домики разрешили – но определенной высоты и размера. Не соскучишься.

Пора переходить к 1970–1980-м, то есть к Москве эпохи застоя.

В эти годы, по-моему, происходило то же самое, что и раньше, но только, так сказать, втихую.

Воров стали называть несунами, и они растаскивали государственную собственность понемножечку, по винтику, по гвоздику. Продукты исчезали не сразу, как при Сталине, а постепенно. Диссидентов душили в подворотне, а не прилюдно. Престарелые вожди, с виду почти безобидные, губили все живое. И система, которая, казалось бы, разваливалась, на самом деле была еще прочна.

В ней вызревали, как в террариуме, и нынешние черносотенцы типа Дугина, и нынешние авантюристы-миллионеры, которые поразбежались по офшорам и разным экзотическим островам, и теперешние главари криминальных шаек. И пока завлабы в «розовых штанишках», интеллигенты из НИИ и из университетов проводили свои судьбоносные реформы, чтобы превратить Россию в свободную, процветающую, демократическую страну, гады из террариума захватывали позиции и в промышленности, и в культуре. И оказались они в 2010-х годах там, где они оказались...

Но не моим старушечьим пером все это описывать.

Ну а что происходило в это время в Москве?

В Москве в 1970 году фактически задушили «Новый мир» Твардовского, а сам Твардовский скончался. В 1974 году разогнали «Бульдозерную выставку». А в 1979 году писатели выпустили самиздатский журнал «Метрополь», авторов которого – известных поэтов и писателей – долго и нудно ругали и, как могли, притесняли. Выслали из страны Нобелевского лауреата Солженицына. Вся Москва по ночам слушала заграничное радио – чаще всего Би-би-си и комментатора Анатолия Максимовича Гольдберга. Москвичи слушали, а власть глушила. И казалось, что так будет продолжаться вечно.

Впрочем, мне уже ничего не казалось. Моего сына, участника «Бульдозерной выставки» и одного из создателей нонконформистского искусства в России, вынудили эмигрировать. Сын с семьей, а стало быть, с моим трехлетним внуком Данечкой, выехали в 1977 году на ПМЖ, то есть на постоянное место жительства. Предварительно у сына все отобрали и, как водится, объявили его персоной нон грата, которой въезд на родину был запрещен навеки. А мне и мужу тоже запретили поездки за границу. И тоже навеки. Не дай бог, увидимся с сыном где-нибудь в чужой стране.

Единственное, что я заметила в Москве в то время, – это передвижение номенклатуры среднего звена с окраин к центру. Тихо-тихо возводились для крупных чиновников чрезвычайно добротные, но довольно одинаковые дома в районе Сивцева Вражка и Гагаринского переулка, а также в районе Пречистенки – Остоженки и в переулках вокруг них. Естественно, жертвой нового строительства стали старые особняки. В частности, снесли домишко в Большом Власьевском переулке, где много лет жили мои родители и мы с мужем и с маленьким Аликом. Жили в одной перегородженной комнате.

На месте особняка возвели пятиэтажный дом, где, как мне сказали, на каждом этаже было всего по одной квартире. Ну что ж, красиво жить не запретишь. Тогдашняя номенклатура, как мы видим, это поняла.

Намеренно не пишу подробно о том, что начиная с конца 1980-х до самых нулевых, то есть в «лихие девяностые», и без того плохо освещенная, годами не знавшая ремонтов обедневшая Москва опускалась на самое дно. Стала еще более угрюмой, темной и нищей.

В нашем, казалось бы, элитном кооперативном доме Академии наук мои знакомые боялись выйти из квартиры, ибо у самой их входной двери спал бомж... На лестницах во всех шести подъездах нашего корпуса пахло мочой, а в подвалах ночевал всякий сброд. Кнопки в лифтах были сожжены, стены в длинных коридорах – у нас на каждой площадке по шесть квартир – были изрисованы граффити, а электрические лампочки болтались на проводе, так как плафоны кто-то систематически разбивал.

Карточек в 1990-х не вводили, но с едой было совсем плохо. Тем не менее москвичи не роптали. Уповали на будущее. Ведь революция 1991–1993 годов не привела ни к повальному голоду, ни к массовому кровопролитию.

* * *

Не хочу заканчивать заметок о «моей» Москве в XX веке на такой пессимистической ноте. Скажу напоследок, что, как ни мечтали власти назвать «дорогую мою столицу» образцовым социалистическим городом, она таковым не стала. Ее кривые переулочки, ее никогда не отремонтированные, но все же по-скоморошьему веселые домишки, ее дворики с одной дуплистой старой липой этому препятствовали. А главное, мешал образцовости пестрый московский народец. Хоть убей, он не был похож на население опытно-показательно-социалистического города.

Сентиментальный довесок к чересчур длинным заметкам о Москве

В годы советской власти в Москве многое менялось. Но многое оставалось неизменным. В столице не продавали цветов... Ни в 1950-х, ни в 1960–1970-х, ни в 1980-х годах. О военных «роковых-сороковых» и говорить нечего.

Если повсюду в Западной Европе цветов и букетов было навалом, то в соцстранах и, соответственно, в столице страны победившего социализма цветы исчезли, казалось, навсегда. Их не разводили. Их не привозили.

В Англии мы в конце 1980-х с моим мужем Даниилом Ефимовичем Меламидом пробыли всего-навсего десять дней. Приехали благодаря одной из аспиранток мужа в Оксфорд на три дня. А в Лондоне нам на неделю снял гостиницу прилетевший из Нью-Йорка Алик. Денег у нас, естественно, не было ни гроша. Тем не менее я не удержалась и купила на улице горшочек с еще не распустившимися крокусами.

Дорогая моя Мара, жена любимого брата Д. Е., увидев эти крокусы в Москве, даже начала заикаться от изумления. И заикаясь спросила: «А зачем тебе эти цветы? Они что?..»

В очень и очень редких цветочных магазинчиках в Москве зимой можно было – и то не всегда – купить корзину цикламенов. В июне была сирень, ранним летом у метро старушки предлагали туго спеленатый букетик ландышей, а попозже – букетик васильков. Хотя рвать ландыши было строго запрещено. И еще: на Ленинском проспекте при Брежневе открыли один (!) магазин цветов (польский), где, выстояв длинную очередь, можно было купить гвоздики. Красные гвоздики сопровождали и траурные церемонии, и торжественные мероприятия. Так сказать, и во здравие и за упокой.

Да, цветов в моей долгой жизни было ужасно мало. И только в годы старости цветы появились буквально везде и всюду. На маленьком пяточке улицы Дмитрия Ульянова, между Ленинским проспектом и улицей Вавилова (на этом пяточке всего четыре дома), – две цветочные палатки и один магазинчик «Цветы». И обе палатки и магазинчик «Цветы» буквально ломятся от цветов – и так по всей Москве. Хочешь, покупаешь хризантемы, хочешь розы на длинных стеблях, а хочешь – орхидеи.

Иногда я перед поездкой на дачу заезжаю в специальный цветочный супермаркет – чего только там нет. Впрочем, нет там наших скромных садовых цветов. Все цветы из Голландии. Кустарники, по-моему, тоже. Не сомневаюсь, скоро свое слово скажут и наши садоводы. Ведь цветы в Москве, да и в других городах, стали неотъемлемой принадлежностью быта. Задумала порадовать себя – покупаешь несколько хризантем (я предпочла бы астры), идешь в гости к соседке – покупаешь три розы (я предпочла бы ромашки).

А какие красивые букеты я получаю сейчас в день моего рождения, в самую темную и морозную пору зимы. И как хорошеет и расцветает мой одинокий дом от этих букетов.

Французский Пушкин – Ронсар – в одном из своих стихотворений изобразил старушку, страдающую бессонницей. И вот в одну из бессонных ночей старушка вспоминает отвергнутых поклонников... И думает: «Ну почему я была такой жестокой? Почему не захотела ответить на их мольбы?»

А я иногда, когда не спится, думаю: «Ну почему мне не дарили таких прекрасных букетов в молодости? Почему?»

Эффект причастности

Много всяких эффектов существует. Например, фотоэффект, эффект Доплера, эффект памяти, эффект неожиданности, эффект присутствия. А вот об эффекте причастности я никогда не слышала. А между тем этот эффект я сама испытала...

Ты вдруг чувствуешь себя как бы слитой с окружающей реальностью, ее частичкой. И то, что ты «частичка», вселяет в тебя гордость и чувство защищенности. Очень необходимые ощущения в условиях тоталитарного режима.

С эффектом причастности связано у меня давнее-предавнее воспоминание.

Произошло это зимой 1936 года – я училась на втором курсе в Институте философии, литературы и истории (ИФЛИ). И тут – о счастье! – 5 декабря приняли новую Конституцию. Ее назвали Сталинской, хотя, как теперь пишут, сочинял ее (да и мы, тогдашние, это почему-то знали) не Сталин, а вовсе Бухарин. Сочинял, так сказать, с петлей на шее. (До показательных процессов 1937–1938 годов оставалось всего ничего.)

Энциклопедический словарь эпохи Брежнева характеризовал эту сталинско-бухаринскую Конституцию так: «К. СССР 1936 г. законодательно закрепила победу в СССР социалистич. обществ. отношений». Ни больше, ни меньше!

Тогда и у меня, и у всех (так мне, по крайней мере, казалось) эта «К.» вызывала энтузиазм.

Избирательное право, согласно новой Конституции, было всеобщим, прямым и тайным. До сей поры избирать в Советском Союзе разрешалось отнюдь не всем гражданам, многих избирательного права лишали, и они становились *лишенцами*, что грозило высылкой и даже тюрьмой. Выбирали до 1936 года открытым голосованием, поднятием рук. И выборы были многоступенчатыми – то есть одни выборщики выбирали других и т. д. В общем, в 1936 году был взрыв демократии, если не считать одного маленького «но» – выборы с самого начала предполагали полную невозможность выбора. Кандидат в бюллетене писался ОДИН.

После принятия Конституции сразу же начали готовиться к выборам. Мы, студенты, должны были работать с избирателями как агитаторы. Казалось бы, за что агитировать, если выбора нет? И чему радоваться? Тем не менее с тех пор целых пятьдесят лет, все годы советской власти, эти прямые и тайные выборы обставлялись как большой праздник. На избирательных участках оборудовали буфеты, где продавались бутерброды с колбасой, ветчиной и сыром. А иногда и пирожки с повидлом. Тысячи людей, непосредственно причастных к составлению списков, оформлению избирательных участков и подсчету голосов, неделями не ходили на работу... А во время первых выборов по радио день и ночь звучала бравурная музыка. И люди чуть ли не христосовались. Такая радость, такое ликование!.. Кстати, после многих десятилетий подобных выборов и возникло странное словосочетание: «альтернативные выборы», как будто можно выбрать без альтернативы. Да, можно, при тоталитаризме все можно!

Ну да ладно. Итак, в 1936-м я, как и другие студенты, работала с избирателями. Учились мы в Сокольниках. Точнее, в селе Богородском. Соответственно, агитировали там же, в Богородском. Время было зимнее, рано темнело. И вот после долгого студенческого дня я отправлялась в путь: в лесу (тогда еще там рос лес) в деревянных домах-бараках жили «мои» избиратели. Почти у всех не было ни канализации, ни водопровода. Отопление – печное. Но я смело входила в эти дома и несла черт знает что насчет нашей новой Конституции, насчет нашего замечательного сегодня и еще более замечательного завтра. Принимали меня, как ни странно, очень дружелюбно. Люди были милые, простые, радушные. Вроде бы, поговорив, мы и впрямь начинали верить, что скоро все поправится, все наладится. По случаю предстоящих выборов в магазины стали «выбрасывать» (термин тех лет) кое-что из съестного. Мясо, например, или

жиры (масло). По-моему, в 1936 году такой голодухи, как в начале 1930-х, уже не было. И люди очень надеялись на лучшее.

После агитации, обойдя множество квартир, я ехала на трамвае до метро «Сокольники». Входила в метро уже часов в восемь-девять, смертельно усталая и голодная. Но окрыленная мыслью, что мои избиратели часов в 6 утра (почему-то рекомендовалось идти выбирать ни свет ни заря) стройными рядами явятся на избирательный участок и проголосуют за единственного назначенного властями кандидата. А может, кто-то из них отойдет в сторонку и напишет на глазах у всех: «Да здравствует И. В. Сталин!» или: «Спасибо тов. И. В. Сталину за нашу счастливую жизнь!» Такие бюллетени, разумеется, не считались испорченными!

И вот однажды вечером, серая от усталости, заглушив голод бесчисленными папиросами, в сильно потертой, старой беличьей шубейке я спустилась в метро. На почти безлюдном перроне оказалась стайка молодежи. Кажется, их было человек пять-шесть. Они оживленно переговаривались, смеялись. На вид были старше меня, но не намного.

И девушки, и их кавалеры поразили меня и красивой, элегантной одеждой, и холеными лицами, и беззаботностью. Кто были эти молодые люди? Дети из Дома на набережной? Дети из посольских особняков? Иностранцы? Понятия не имею.

Увидев эту, какую-то нездешнюю, из другой жизни молодежь, я на секунду оторопела и остро почувствовала, как разительно отличаюсь от них – плохо одета и обута, не причесана, устала. Да, на секунду мне стало горько, а потом я ощутила... эффект причастности. Но не к этим молодым людям, а к своим зачуханным избирателям, к народу, к чему-то Великому и Патриотическому, к судьбе своей страны и даже к этой дурацкой Конституции, которой я, разумеется, не читала... И мгновенно я осознала свое превосходство над легкомысленными существами на перроне. Ведь я была причастна к серой массе тружеников. И эта причастность давала мне ощущение силы, вселяла гордость. Если бы меня на станции метро «Сокольники» в тот день и час приняли бы в Партию, в ВКП(б), я бы, наверное, и вовсе возликовала. Но меня, к счастью, никуда не приняли. И эффект причастности исчез надолго, возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Индийский еврей

В середине 1930-х после сплошной коллективизации, сиречь удушения российского крестьянства, после голодомора и просто голода, при всеобщей унылой бедности Сталин сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселей». И дал стране Конституцию, а народу – паспорта. Правда, не всему народу, а только горожанам. Если бы паспорта получили деревенские, они, согласно анекдоту, убежали бы к чертовой матери. (Анекдот расскажу в сноске⁴.)

Итак, мы, горожане, пошли за паспортами. Самое удивительное, что выдавали их без всякого бюрократизма. Особого бюрократизма в 1930-х, впрочем, и не наблюдалось. Для получения паспорта не требовалось никаких бумажек с печатями – ни метрик, ни других документов. Что скажешь, то в паспорте и напишут. И происходили от этого всякие казусы.

К примеру, жена любимого брата мужа Мара вместо своего отчества назвала другое, а именно: «Петровна». А родная Мária сестра Берта, которой тоже не нравилось ее отчество, сказала, что она «Павловна». Так сестры и жили: Мара была Мария Петровна, ее сестра – Берта Павловна.

Но не о них речь. Речь об одном тогдашнем пижоне, который, как и все, пришел за паспортом. Он был, кажется, сильно продвинутый кинооператор или фоторепортер типа нашего теперешнего Юрия Роста.

На вопрос барышни-паспортистки: «Национальность?» – пижон решил пошутить, сказал вместо «еврей» – «иудей». Барышня записывает, а в конце выдает фотографию новенький паспорт. И он идет к себе домой. А дома обнаруживает, что в графе национальность у него начертано – «индей». В первый момент фоторепортер, конечно, обзванивает знакомых, и они с ним вместе весело хохочут. Но потом все же советуют пижону поскорее поменять «индею» на «еврея».

Заметим, что паспортизация проходила в ту пору, когда не было не только бюрократизма, но и антисемитизма.

Пижон бросается к паспортистке и просит исправить ошибку. Но не тут-то было. Паспортистка объясняет, что исправить ничего нельзя. Она получила определенное количество незаполненных паспортов, и все их заполнила. Лишнего паспорта у нее нет. А с пометками паспорт выдавать не положено. И т. д. и т. п. Преппирательство на первых порах ни к чему не приводит. Но, в конце концов, барышня соглашается хоть как-то сгладить или облагородить «индею», использовав неисписанное пространство в соответствующей графе. Сказано – сделано. Получилось «индийский еврей». Все же звучит не столь вызывающе.

Полагаю, что фоторепортер так и остался индийским евреем. Спокойное время мгновенно миновало. Начались сплошные аресты. И получать новый паспорт ни один храбрец не решился бы. Ведь его наверняка спросили бы, какую преступную цель он преследовал, выдав себя за индею.

⁴ Анекдот такой: один нищий колхоз выиграл по займу 100 тысяч рублей. Собрали народ, чтобы решить, на что потратить выигрыш. Кто-то из колхозников предлагает построить новый коровник и прикупить хоть несколько здоровых коров. Другой – поставить какую-нибудь баньку и колодцы привести в порядок. А один мужичонка, ну замухрышка, все время тянет руку и кричит: «Ероплан, ероплан!» – Чего орешь? – спрашивает его председатель: – И при чем тут аэроплан? «При том, – отвечает мужичонка, – что мы в него сядем и улетим отсюда к чертовой матери». Он сказал не «к чертовой», а к другой матери, которая находится вроде бы еще дальше...

Еще раз о первых выборах

Эту историю нам с мужем рассказал не то в конце, не то в начале 1980-х отнюдь не бес-
талантный писатель, но совершенно циничный человек Виль Липатов, с которым мы несколько
раз жили в одно время в Доме творчества в Переделкине.

Липатов, как говорили, болел в ту пору неизлечимой болезнью, сильно пил и потому был
в меру откровенен.

Передаю липатовский рассказ в том виде, в каком я его запомнила.

Начинал я на Севере журналистом местной газеты. Был молод, полон идей и, конечно,
желания поразить мир и быть замеченным.

Вы, наверное, помните, что на выборах в сталинские времена было своеобразное сорев-
нование: кто придет первым на избирательный участок, возьмет бюллетень да еще иногда и
напишет на нем, как он счастлив выбирать в нашей великой сталинской свободной державе.

И вот я решил сочинить художественный очерк об этом самом первом избирателе в
городе N. На избирательном участке мне сообщили, что таковым стала, допустим, Мария
Ермолаевна Ермолаева. Зимой в темноте она ждала у запертой двери до тех пор, пока не появи-
лись первые избиркомовцы, потом долго писала на своем бюллетене всякие патриотические
слова и даже не опустила его в урну, а дала растроганным девушкам, выдававшим бюллетени.
Девушки жали ей руку и преподнесли цветок из тех цветов, что в обязательном порядке укра-
шали помещения избирательных участков.

Окрыленный, я бросился узнавать адрес Ермолаевой. Это оказалось нетрудно. В списках
избирателей значилось местожительство каждого гражданина – ведь к нему чуть ли не еже-
дневно являлись агитаторы.

Попросив редактора оставить полосу для очерка «Первая», я отправился в путь. Тут-
то все и произошло. Названная улица внезапно обрывалась, начинался пустырь, засыпанный
снегом, потом опять появились дома, вернее, деревянные развалюхи. Но на развалюхах не было
никаких номеров, да и стояли они как-то вразброд. Вообще местность показалась мне почти
необитаемой. К счастью, у колонки (водопровода там, разумеется, не было) я встретил двух
женщин, кое-как объяснивших мне, куда идти. Долго я блуждал, проваливаясь то и дело в
сугробы. Наконец, понял, что дальше идти некуда – дом был последний. Впрочем, не дом вовсе,
а черт знает что. Проклиная все на свете, я ввалился в дом и ощупью добрался до конуры, где
лежала укутанная тряпьем старуха с желтовато-восковым лицом.

– Как найти Марью Ермолаевну? – заорал я, почему-то решив, что старуха глухая.

– Не кричи. Это я.

Мне запомнилось, что голова Марьи Ермолаевны была повязана грязным шерстяным
платком (для тепла, ибо в комнате был адский холод) и что ножки кровати стояли в консервных
банках с водой (чтобы клопы не напозли!).

На окошке была наледь, но на подоконнике в бутылке я заметил тот самый цветок из
избирательного участка.

Несколько минут я простоял перед лежищем «Первой», вспоминая ее слова о Сталине
Красном Солнышке, о великом и мудром вожде, под водительством которого мы достигли
такой прекрасной, счастливой жизни... Стоял безмолвно, а потом бросился опрометью бежать
из этой страшной берлоги, от этой несчастной старухи.

Хвала прогрессу

Моя мама – а главная в нашей семье Черных была мама – с большим пиететом относилась к прогрессу вообще и к техническому прогрессу в частности. Поэтому в доме у мамы с папой появился и первый холодильник («газоаппарат»), и первый телевизор с линзой, и первый полотер, и первый пылесос.

Но еще до всех этих новинок наше семейство познакомилось с первым радиоприемником, носившим название «детекторный».

Прошло уже лет восемьдесят, а то и девяносто, но я до сих пор помню демонстрацию этого чуда техники. Принес приемник к нам некий молодой человек, сотворивший его. В ту эпоху молодые изобретатели, продававшие свои изобретения, считались кустарями-одиночками, поскольку они не служили в госучреждениях и налоги с них взимал фининспектор, знакомый теперь разве что по стихам Маяковского...

Как выглядел кустарь-одиночка с детекторным приемником, хоть убей, не помню. Но изделие его рук, сам детекторный приемник, запомнила на всю жизнь. Это был небольшой черный ящичек из пластмассы, без крышки. Над ним нависал прикрепленный к боковой стенке подвижный штырь. Штырь был изогнут в виде буквы Г, и с его верхней перекладки свисала тоненькая спиралька. Внутри черного ящика поблескивал небольшой камешек-кристалл. Манипулируя подвижным штырем, молодой человек старался опустить спиральку так, чтобы она коснулась камешка-кристалла. И когда это происходило, когда спиралька и камешек соприкасались, в наушниках должен был появиться звук... Слабый звук и впрямь появлялся, хотя никаких проводов к черной коробке с камешком не шло. Уже чудо! Но сразу же звук пропадал. И молодой человек говорил обреченно: «Фидинг». Что такое «фидинг», я по сию пору не знаю. Но слово «фидинг» было произнесено в тот день несколько раз.

Мама приемник не купила. Может, из-за загадочного «фидинга».

Затем в моих воспоминаниях – пробел... Детекторный приемник возникает в них опять в связи с тем, что я в четырнадцать лет поступаю в восьмой класс новой школы. Это в самом начале 1930-х. Стало быть, идет индустриализация. Школа не остается в стороне. Юное поколение охвачено техническим воспитанием. Нас всех записали в соответствующие кружки. И вот я с другими ребятами сижу в бывшей церкви на Покровке и пялю глаза в схему... детекторного приемника... Пялю глаза, но ничего не понимаю. Кончилась моя деятельность в техническом кружке тем, что я... отсеялась. Отсеивается большинство школьников. Зато несколько подростков собирают этот самый детекторный приемник.

А в 1934 году легендарный полярник, радист Кренкель, связывается по радио со всем миром. Радирует миру об отличном самочувствии пассажиров советского ледокола «Челюскин», затертого льдами в Чукотском море. И весь мир с восторгом внимает красному радисту Кренкелю...

Но где Чукотское море, где Северный Ледовитый океан и герои-полярники, а где я, обыкновенная московская девчонка! Для меня радио в 1930-х годах ассоциируется с большими черными «тарелками», которые висят на уличных столбах. И у нас дома тоже.

Радио на столбах громко выкрикивает разные сообщения: иногда духоподъемные – о достижениях первого в мире государства рабочих и крестьян; иногда угрожающие – в адрес иностранных империалистов или местных «врагов народа».

Я к черным «тарелкам» отношусь нейтрально, у меня крепкие нервы. Но некоторые взрослые вполголоса возмущаются. Тарелки день-деньской орут в парках и скверах, а особенно громко – в домах отдыха, в санаториях и на прогулочных пароходах, то есть там, где людям хочется, наконец, отдохнуть от... пропаганды.

Кое-кто, мои мама с папой в том числе, обзаводится в 1930-х индивидуальными приемниками, но уже не детекторными, а ламповыми. На вид они куда валяжней детекторных. Это большие ящики, иногда деревянные, иногда металлические. И внутри у них и впрямь некое подобие ламп, только лампы не светят, они как бы обернуты фольгой. Кроме официальных сообщений от имени радиостанции «Коминтерн», ламповые тоже ничем особо не радуют.

Но недолго музыка играла. В первые же дни войны, то есть уже в июне 1941 года, нам велено все приемники сдать. Равно как и телефоны. Никаких связей с внешним миром иметь нельзя, ибо, по логике властей, вся страна кишит шпионами и предателями, которые жаждут открыть врагу наши секреты.

Только в кабинете моего будущего мужа Д. Е. в ТАССе стоял мощный приемник «Хаммерлунд». И Д. Е. слушал «вражеские голоса». Это помогло ему и всему его отделу контрпропаганды и дезинформации вести войну в эфире. «Хаммерлунд» – великая поблажка, великая привилегия. Для мужа она заканчивается с окончанием войны.

Впрочем, нам в первые послевоенные восемь лет и не до радио. Не до жиру, быть бы живу. Быт ужасающе трудный. Карточки. Денежная реформа. Громкая антисемитская кампания. Тихие аресты. На горизонте уже маячит новая война. И так вплоть до марта 1953 года, вплоть до смерти Сталина.

Но вот Тиран умер. Первый глоток свободы – выпустили ни в чем не повинных врачей-евреев. И интеллигенция уже в эйфории... Нет, сытней не стало, и мы по-прежнему прозябаем в коммуналках. И из ГУЛАГа люди еще не начали выходить. Спокойней тоже не стало. Черт его знает, чем передышка закончится. Но «тарелки» никто больше не слушает. В нашу жизнь прорываются голоса из свободного мира. Появилась новая модификация радиоприемников. Их называют «транзисторами». Из энциклопедии узнала, что транзисторы изобрели в 1948 году три американца. И вот эти три неведомых мне американца плюс столь же неведомые полупроводники приобщили советских граждан к информации, которая им раньше была недоступна.

Кто мог подумать, что хлипкие детекторные приемники, «тарелки» и ящики с лампами трансформируются в портативные транзисторы, которые если и не прорвут железный занавес, то хотя бы излечат нас от глухоты? Кто мог предположить, что транзисторы раскроют нам многое из того, что от нас скрывали?

Вам, сегодняшним, не понять, какую роль в Советской России играли секреты. Засекречено было буквально все. Секрет на секрете.

Даже о начале войны, о нападении нацистской Германии на нашу страну нам сообщили не сразу, а с большим опозданием. И правды о самой войне мы тоже не знаем до сих пор. Не знаем ни цифр потерь, ни причин страшных поражений на первом этапе. И мы так никогда и не узнаем, что происходило на даче Сталина в дни его агонии. Не узнаем, конечно, кто и почему замыслил убийство Кирова. И почему на так называемых открытых процессах большевики-ленинцы все, как один, оговаривали себя. И сколько невинных душ Сталин загубил в ГУЛАГе.

Может быть, кто-то и скажет: «Ну какое все это имеет значение сейчас, почти век спустя?..»

Я не согласна! Как можно понять прошлое, историю страны, если ничего не знаешь достоверно, если все засекречено и сфальсифицировано? От нас скрывали даже природные катаклизмы. Например, засекретили страшное ашхабадское землетрясение, унесшее тысячи жертв. А потом пытались скрыть Чернобыль...

Сталин и его наследники не хотели, чтобы с их именами ассоциировались народные бедствия. Ведь при Сталине держава должна была процветать... А люди – чувствовать себя счастливыми.

На заре относительно гуманной хрущевской эры убрали Берию. Казалось бы, устрой процесс. Расскажи о преступлениях этого палача. Или на худой конец просто объяви, что он арестован и что идет следствие.

Нет, секретность прежде всего. Но как уведомить хотя бы преданных партайгеноссе, верхушку партии, о пертурбациях в верхах? Не дай бог, в очередной праздник трудящиеся выйдут на улицы с портретами Лаврентия...

В Большом театре премьера оперы Шапорина «Декабристы». Газеты сообщают, что вожди посетили премьеру. Все, как обычно. Но в перечне вождей нет Бери. И муж объясняет мне, беспартийной дуре, что никакой ошибки быть не может. Раз имени Бери нет – значит, с ним покончено. Бери – крышка. «Цветет в Тбилиси алыча не для Лаврентья Палыча».

Или вот другая сценка из нашей жизни в послесталинское время.

Октябрь 1964 года. Мы с мужем блаженствуем на курорте в Гаграх. Море, солнце, пальмы. На пляже встретили сослуживцев мужа по Институту мировой экономики и международных отношений – две супружеские пары. Они совсем недавно прилетели из Москвы. По их словам, в Москве что-то затевается. Но как узнать, что именно?

Поздно вечером мы вшестером поднимаемся в гору. Подходим к каменному двухэтажному зданию. Это – райком партии в Новых Гаграх. Окна светятся, но в доме нет ни одной живой души. Мужнин сослуживец, молодой доктор наук из ИМЭМО, немного пригибается, и к нему на плечи влезает второй сослуживец. Заглядывает в окно. И уже через секунду спрыгивает. Уверенно сообщает:

– Все! Кукурузника помели.

Сослуживец заглянул в окно первого секретаря райкома КПСС. Всем известно, что над письменным столом Первого должен висеть портрет Первого лица государства. Стало быть, портрет Никиты Сергеевича Хрущева. Но портрет сняли. А раз сняли, то Н. С. Хрущев уже не Первое лицо.

Так мы узнали главную новость 1964 года.

Но казус с оперой «Декабристы» и казус с портретом – исключения. Как правило, в конце 1950-х и в 1960-х наш источник информации – радио. Точнее, транзисторы, коротковолновые приемники...

Умельцы-технари переделывают старые приемники на новые, коротковолновые. Латвия в ту пору почти заграница, и изделия латвийского завода ВЭФ нарасхват. Еще больше ценятся транзисторы из настоящего зарубежья. Правда, в настоящем зарубежье коротковолновые приемники не обязательны: там на всех волнах информируют граждан о событиях в мире... Но раз этим странным русским нужны коротковолновые приемники – плиз, битте, силвуупле.

Однако все не так просто. Лучшие умы в СССР не дремлют. Наследники русского изобретателя радио Попова изобретают глушилки. Пытаются если не похоронить, то хоть обезвредить беспокойное радио-детище Попова. Глушилки – дорогое удовольствие. Но Страна Советов – богатая держава. Сдюжим. И за ценой не постоим.

Глушилки глушат живое слово из зарубежья. Живое слово прорывается сквозь глушилки. Радио «Свобода», «Свободная Европа», Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкая волна» становятся нашими постоянными спутниками.

В Доме творчества в Переделкине уборщица говорит пожилому писателю: «Ваше Бибиси я поставила на шкаф».

Уборщица знает: после ужина писатель обязательно будет слушать по Би-би-си передачу Анатолия Максимовича Гольдберга «Глядя из Лондона». И испытает при этом чувство глубокого удовлетворения: во-первых, он узнал много нового. Есть чем поделиться с друзьями. Во-вторых, перехитрил советскую власть. Ведь глушилки в Подмоскovie, в Переделкине в частности, действуют не столь сокрушительно. По крайней мере, так говорят.

Но Анатолий Максимович и «Немецкая волна» на немецком языке, которую муж-международник ловит каждый вечер, – это почти баловство. Барская забава. Главное, это то, что интеллигенция, благодаря иностранному радио, оказывается в курсе всех тех гадостей, которые совершает наша дорогая советская власть у нас в стране.

Благодаря радио мы узнали и о процессе над Синявским – Даниэлем, и о суде над Бродским, и о «бульдозерной выставке», и о смельчаках, вышедших на Красную площадь в знак протеста против танков, подавивших Пражскую весну, и об альманахе «Метрополь», и об отъезде Галича...

Конечно, многое там, за рубежом, малость перевирали. Но все-таки с помощью транзисторов информация о чудовищно реакционной политике советской власти и о протестных акциях к нам доходила.

На радио-роток не накинешь платок.

Р. S. Мой муж – антитехнар и враг любых расписаний и предписаний – самым аккуратным образом составлял расписание «вражеских» передач и умело настраивал свой приемник на нужную волну. Что называется, становился на горло собственной песне.

Когда я была маленькая

Когда я была маленькая, то есть в 1920-х годах, у нас в стране победило материалистическое мировоззрение – считалось, что с религией покончили раз и навсегда.

Правда, жила я с мамой и папой в церковном дворе, в доходном доме, построенном до революции 1917-го нашим батюшкой по фамилии Успенский. И служба у нас в церкви в 1920-х еще шла. Тем не менее меня воспитывали в духе новой морали.

Некоторые сложности при этом возникали. Если бога нет и заповедей на божественных скрижалях тоже нет, то как объяснить девочке пяти-шести лет, что такое хорошо и что такое плохо?

Особенно если Ленина ты уже не так боишься – Гражданская война закончилась, а Сталин еще не так страшен, ибо не успел угробить миллионы твоих соотечественников?

Ну конечно, малый ребенок не пожелает ни жены ближнего своего, ни его вола, ни его осла. Но как ты объяснишь ребенку заповедь «не укради»?

Папа, занимавшийся моим духовным воспитанием, переиначил восьмую заповедь «не укради» на «нельзя брать без спроса».

Но девочка пяти-шести лет не так глупа, чтобы не понять: хочется как раз того, чего нельзя брать без спроса. Самое заветное обязательно не разрешат. Просить бесполезно. Какой может быть спрос?

И вот однажды такая коллизия у меня возникла.

В столовой... Небольших комнат у родителей до уплотнения – принудительного подселения чужих людей – было пять, а остались всего две: столовая и спальня. И вот в нашей столовой, над обеденным столом висела скромная квадратная люстра в стиле ар-деко: люстра была из толстого стекла и заканчивалась стеклянной бахромой-висюльками из прозрачного бисера, перемежаемого зелеными бисеринками. И вот эту стеклянную бахрому я и возжелала пуще, чем грешники желали чужого вола или чужого осла.

Просить у взрослых ни о чем не стала. Ну кто же разрешит ребенку портить люстру? С какой стати? И я, бедняга, молча страдала. С мыслью о висюльках засыпала на раскладушке в столовой, с этой же мыслью просыпалась.

Наконец, после долгих мучений и колебаний дождалась, когда из комнаты все уйдут, и влезла с ногами на стул (это тоже не разрешали), со стула перебралась на обеденный стол и отхватила от люстры ножницами довольно большой кусок стекла.

Далее в моих воспоминаниях долгий провал. Черное пятно. Видимо, ожидая возмездия, я мысленно покончила с жизнью или, может быть, притворилась мертвой.

Но, к счастью, умерла я только понарошку и отчетливо помню сцену возмездия: папа возмущен, громко ругает меня и негодует. Ругает, как ни странно, не столько за то, что я отрезала кусок стеклянной бахромы, а за то, что говорю неправду, отрицаю свое преступление. Хотя бисерные висюльки давно обнаружены в моих игрушках. Все равно я громко плачу и все отрицаю. А папа возмущенно повторяет: «Нельзя говорить неправду».

Никакой логики в его гневных речах я не слышу.

Конечно, я отрезала эту злосчастную бахрому без спроса. Но только потому, что просить было бы бесполезно. И конечно, я все отрицаю, потому что меня обязательно накажут за то, что я отрезала без спроса. Как же не отрицать?

Но это далеко не все из той гаммы горестных чувств, которые меня обуревали.

Самое главное, я не ощутила особой радости, завладев куском стекла. Ну скажите на милость, зачем пяти- или шестилетней девочке висюльки от люстры?

И тут не обойдешься без Ветхого Завета. Запретный плод сладок. Не будь змия-искусителя, Адам и Ева могли бы прожить в раю вечность. В райских кущах было полно фруктов и

без злополучного плода на древе познания. Логика в грехопадении человека было не больше, нежели в отрезанных мной висюльках.

На волосок от смерти

История эта произошла в годы Великой Отечественной войны и запечатлелась у меня в мозгу как веселый анекдот. В свое время ее часто рассказывали и пересказывали мои близкие и дальние знакомые. Кто-то даже описал в книге. И всюду она звучала одинаково смешно. Между тем история эта довольно-таки страшная. Хотя теперь весь ужас ее не дойдет до молодых людей. Ведь как бы нас сейчас ни пугали, но самый мерзкий судья при Путине в миллион раз гуманнее, чем был любой представитель власти при Сталине.

Не то в конце 1942 года, не то в начале 1943-го, иными словами, в разгар войны, я жила у моей приятельницы Веры Острогорской – «маленькой Верочки», так ее называла вся довоенная литературная и околослитературная Москва.

Верочка была очаровательна. Крохотное создание – воплощение женственности и изящества. При этом она была находчива и блистательно остроумна. Немудрено, что в нее без конца влюблялись...

В период нашего совместного житья у Верочки был роман с Эммануилом Казакевичем. Слава пришла к нему после войны. В описываемую пору он еще не сочинил ни двух прекрасных повестей – «Звезда» и «Двое в степи», – ни нескольких, на мой взгляд, довольно скучных романов. Тогда Казакевич считался еврейским поэтом с Дальнего Востока и был знаменит лишь тем, что дезертировал... на фронт. Да, Казакевич сбежал из тыловой части во фронтовую разведку...

В Верочку он был влюблен отчаянно, забрасывал ее письмами и при малейшей возможности приезжал в Москву на несколько дней. В эти деньки я, разумеется, переселялась к родителям на Большой Власьевский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.